

ИСТОРИЯ

УДК 332.133.44(571)«19»

Г.М. Запорожченко

ФОРМИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА ГОРОДСКОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 12-01-00105/12а.

Рассматривается становление хозяйственного механизма потребительской кооперации Сибири на примере деятельности городских и рабочих кооперативов в начале XX в. до 1919 г. Основное внимание уделено изучению системы материальной связи с членами кооператива. Выявлена динамика изменения величины пая, паевого капитала, дивиденда и клиентурных выплат в условиях хозяйственного кризиса периода Первой мировой войны, революций и Гражданской войны, и рассмотрено влияние этого процесса на развитие торговой и неторговой деятельности кооперативов.

Ключевые слова: потребительская кооперация; потребительное общество; кооператив; паевой капитал; прибыль; дивиденд.

Опыт деятельности городских всесословных и рабочих кооперативов в Сибири в начале XX в. позволяет конкретизировать ситуацию формирования особого феномена – потребительской кооперации. Изучение реального процесса деятельности кооперации предполагает формирование четкого представления о механизме её функционирования, включающего систему управления [1] и систему материальной связи с участниками кооперативного движения. Эти две составляющие действуют в неразрывной связи как единое целое, и только в познавательных целях могут быть рассмотрены отдельно. Задачей данной статьи является изучение системы материальных стимулов в хозяйственной деятельности городских и рабочих кооперативов Сибири в начале XX в. до 1919 г.

Методологическим основанием являются сформулированные известным теоретиком кооперативного движения И.В. Емельяновым положения о том, что единственным исчерпывающим и неоспоримым критерием кооперативного характера организаций является их совокупная (кооперативная) структура. Кооператив не является предприятием. Основой функционирования потребительской кооперации является паевой взнос члена кооператива. Паевые взносы – это не свидетельство предпринимательской деятельности, а кредит или фонд, ссуженный членами своей кооперативной организации в качестве рабочего капитала. Дивиденды и клиентурные выплаты являются окончательными расчетами, которые исправляют диспропорцию между авансами и использованием услуг общества отдельными членами. Принцип ограничения дивидендов по капиталу текущей ставкой банковского процента является одной из почитаемых заповедей кооперации. Подлинно предпринимательский доход (прибыль) представляют лишь доходы от сделок общества с посторонними [2. С. 97, 99, 105, 198, 200, 240, 263].

В первых сибирских кооперативах в середине XIX в. в Иркутске и Барнауле пай доходил до 50 руб. В соответствии с нормальным уставом 1897 г. пай не должен был превышать 10 руб., вступительная плата – 3 руб., что отражало реализацию одного из кардинальных принципов кооперативного движения – общедоступность – и становилось важным фактором вовлече-

ния новых слоев населения. В дореволюционный период в сибирских городских кооперативах пай составлял 3–5 руб. (Новониколаевск, Томск, Красноярск, Енисейск и др.), реже 10 руб. (Нарым, Тобольск). Вступительная плата составляла 50 коп. или 1 руб. Томский «Деятель», например, установив на первых порах вступительную плату 5 руб., затем понизил её для облегчения вступления малоимущих пайщиков. Инфляция периода Первой мировой войны повлекла за собой соответствующий рост паевых взносов. Члены новониколаевской «Экономии» в 1916 г. отмечали: «Спасение общества – в увеличении пая с 3 руб., по крайней мере, до 10 руб. Только при таком увеличении основного капитала можно говорить о развитии торговых операций общества, можно начинать культурно-просветительную работу» [3. 1916. № 14. С. 18]. Общее собрание остановилось на 6 руб. В ноябре 1917 г. пай вырос до 10 руб.

В отличие от беспаявых форм кооперации, в потребительных обществах именно паевой капитал являлся основой всех денежных средств. Средства кооперативов состояли из основного и оборотного капитала, образуемого из вступительных взносов, паёв и займов, а также из запасного, или имущественного, капитала, на образование которого производились отчисления от прибыли. В тобольском «Труженике» в 1911 г. паевой капитал составлял всего 864 руб. «Кредита у общества нет, денег тоже. Правление рисковало своими личными деньгами», – отмечалось в годовом отчете [4]. Члены учрежденного в мае 1916 г. железнодорожного кооператива на станции Слюдянка Забайкальской железной дороги писали, что «как и все возникающие в настоящий момент общества, оно начало работу, располагая самыми незначительными средствами» [5]. Небольшие паевые капиталы в 1915 г. были у кооператива Маринска – 1 355 руб., красноярская «Самодетельность» открыла торговлю при 1 500 руб. паевых, читинский «Трудовой союз» – с капиталом 1 616 руб., кооператив Нижнеудинска – с паевым капиталом в 1 000 руб., томский «Деятель» – с паевым капиталом 719 руб. Это составляло мизерные суммы, так как для открытия дела, например, новониколаевской «Экономии» была необходима сумма 3 460 руб., которая распределялась:

на покупку товаров – 2 500 руб., на оборудование лавки – 560 руб., на ежемесячные расходы по торговле – 300 руб., на внесение паёв в Московский союз потребительных обществ – 100 руб. [6].

Кроме того, в кооперативах было много неполнопайщиков. В 1915 г. в томском «Деятеле» из 420 человек 129 не имели пая, около 100 являлись неполнопайщиками [7. 1915. № 15. С. 472]. Красноярская «Самодетельность» в 1917 г. имела 2 797 членов, из которых 552 (19,86%) являлись неполнопайщиками [8]. В Новониколаевской «Экономии» в 1916 г. из 1 282 членов неполный пай имели 22 чел., один пай имели 736 чел. (57,4%) [9. 1916. 19 авг., 17 нояб.]. Таким образом, основная масса членов владела одним-двумя паями, а то и вовсе не вносила полные паи. В целом сибирские потребительные общества начинали торговлю с паевым капиталом, едва превышающим 1 000–3 000 руб., при полном отсутствии кредитов, часто в долг. Из-за нехватки средств, опыта и помещений они начинали с так называемой скидочной системы, когда, не открывая собственной торговли, общества входили в соглашение с различными торговцами, которые делали членам кооператива определённую скидку в цене.

Особенно остро ощущался недостаток оборотных средств с началом Первой мировой войны. Кооператоры томского «Деятеля» отмечали: «С того момента, как стало ясно, что война приобретает затяжной характер, товары начали исчезать с Томского рынка. Когда кредиты стали сокращаться, а некоторые совершенно закрылись, снабжать лавки товарами без запасных средств стало настолько трудно, что правление не представляло, как найти выход из создавшегося положения» [10]. Оборотный капитал «Деятеля» в 1915 г. составлял всего 1 537 руб. В получении ссуды от Городской думы было отказано. Чтобы побороть денежный кризис, правление отменило отпуск товаров в кредит, повысило процент на добровольные вклады, собирало средства среди знакомых, использовало займы из банка под залог имеющихся в запасе товаров. Характерно, что наиболее эффективной мерой явилось ограничение потребления в период сахарного кризиса, когда сахар продавали только пайщикам. Это создало длинную очередь желающих вступить в члены общества, что привело к накоплению 5 000 руб. паевого капитала и разрешению денежного кризиса. К середине 1916 г. паевой капитал кооператива достиг 10 000 руб., что, в свою очередь, потребовало новых затрат на покупку торговых прав.

Из отчетов правления красноярского кооператива «Самодетельность» за 1918 г. видно, что падение ценности рубля и расстройство транспорта, повлекшее снижение скорости оборота капиталов с 4–6 до 2 раз в год, еще более усугубили проблему катастрофической нехватки денежных средств [11]. В ходе усиленной паевой кампании потребителям объяснялась важность увеличения паевых взносов. В октябре 1918 г. пай в новониколаевской «Экономии» вырос до 100 руб., вступительная плата поднялась с 50 коп. до 10 руб. [12. Д. 1а. Л. 42об. – 44]. В конце 1919 г. иркутские кооперативы «Труженик-Кооператор» и «Пролетарий» увеличили пай до 500 руб. [13. № 11. С. 4]. Лишь «Бийский кооператив» дожил до 1919 г., имея при двухмил-

лионных оборотах десятирублёвый пай, вследствие того что изначально активно проводил вкладные операции со своими пайщиками и гражданами города.

Нехватка оборотных капиталов толкала потребительные общества на поиск средств у общественных, кооперативных и государственных кредитных организаций. Кооператоры Нижнеудинска, чей паевой капитал в 1917 г. составлял 12 000 руб., а оборот был близок к миллиону, отмечали: «Такой значительный оборот при сравнительно небольшом паевом капитале возможен только при торговле на занятые в банке деньги, за которые приходится платить до 10% годовых, что не может не отразиться на цене товара» [7. 1917. № 19. С. 41–42]. По объёму привлекаемые кооперативами денежные средства в 8–10 раз превосходили собственные. Получение кредитов затруднялось отсутствием четкой проработки в нормальном уставе и юридической практике того времени вопроса о правилах, размерах и гарантиях кредитования потребительных обществ. Устав 1897 г. допускал кредитование в размере вступительных взносов и паевого капитала, следовательно, не более 13 руб. на одного пайщика. Доверие коммерческих банков к потребительским кооперативам было очень низким, поэтому последние вынужденно прибегали к товарному кредиту у оптовых торговцев, который занимал в оборотном капитале городских всеобщественных обществ более 60%, рабочих – более 90%.

Перед правлениями кооперативов, которые на первых порах работали на общественных началах, стояла важная задача – соблюсти оптимальные пропорции между собственными и привлеченными средствами, чтобы не допустить банкротства и поддерживать систему материального стимулирования кооперативной деятельности, основу которой составлял порядок распределения доходов. Принципиальное значение имело соотношение части прибыли, выделяемой на стимулирование денежных вложений в кооперацию – паевых взносов и займов (дивиденд), и части, направляемой на стимулирование участия в хозяйственной деятельности общества (премия на забор / закупки товаров). Нормальный устав ограничивал максимальный размер дивиденда 10%. В 1917 г. в постановлениях о кооперации Временного правительства дивиденд был ограничен 8%, примерный устав потребительных обществ (§67), выработанный Московским союзом потребительных обществ и Советом Всероссийских кооперативных съездов, ограничил дивиденд 6% [7. 1917. № 32–33. С. 32]. В России соотношение выплат на пай и на забор было 25 и 75%, в то время как в германских и английских кооперативах доля прибыли, распределяемой на закупки товаров в среднем, превышала 90%.

В сибирских городских и рабочих кооперативах в 1912–1919 гг. дивиденд практически был ниже установленного предела. В Судженском кооперативе в 1912 г. выдавалось 10% дивиденда на каждый рубль пая и 6% на каждый рубль закупок [14]. Новониколаевская «Экономия» в 1912 г. приняла решение о выплате 1% дивиденда. В Омском городском кооперативе дивиденд составлял 6%, в тобольском «Самосознании» – 3,6%, в «Трудовой копейке» на станции Иланская Енисейской губернии – 6–8%, в нижнеудинском кооперативе – 6%, в рабочем кооперативе «Труд» в

томском Самусьском затоне – 1,4%, самый низкий дивиденд назначался в рабочем кооперативе «Труд» на станции Тайга Томской железной дороги – 0,9%. В красноярском кооперативе «Самодетельность» из прибыли за 1914 г. на каждый рубль полного пая было отчислено 6%, на заборный рубль членам и посторонним – по 1%.

Процент премии на забор устанавливался ниже дивиденда на пай, но в денежном выражении сумма премии на забор превосходила дивиденды. В верхнеудинской «Экономии» из прибыли за 1915 г. было начислено 240 руб. дивиденда на пай и 440 руб. премии на забор [3. 1915. № 1. С. 18]. В тайгинском «Труде» из прибыли 1916 г., равной 13 422 руб., на пай было начислено 123 руб., на забор – 257 руб. В «Труде» Томского Самусьского затона из прибыли 1916 г., равной 1 440 руб., на пай начислено 200 руб., на забор – 803 руб., что составило 20 и 50% от прибыли [15. Д. 173. Л. 6]. Иркутский «Труженик-Кооператор» из прибыли 1918 г., равной 370 231 руб., выплатил в качестве дивидендов на пай 6 700 руб. и премии на забор 44 624 руб. [13. № 10. С. 3].

В зависимом обществе потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги в 1899 г. на пай выдавалось 48%, на забор – 24% прибыли. В 1906 г. под влиянием революционных событий в устав было внесено изменение о начислении на пай не более 10%, в результате чего число пайщиков стало уменьшаться из-за невыгодности размещения капитала под такой низкий процент [15. Д. 25. Л. 14/2].

Таким образом, в сибирских кооперативах прибыль распределялась, главным образом, пропорционально сумме закупок, дивиденд колебался от 0,9 до 6–8%. В то же время в период Первой мировой войны прослеживалась тенденция сокращения материального стимулирования пайщиков во имя сохранения финансовой жизнеспособности и социального развития кооперативной организации: «Совсем отказаться от распределения между пайщиками прибылей 1916 г., или начислить на пай и забор самый маленький процент, а остальную часть прибыли зачислить в общественный оборотный или иной капитал, с отчислениями из него значительной части на удовлетворение общественных и культурно-просветительных нужд – такова задача, выдвигаемая жизнью для всех кооперативов в настоящий момент» [16. 1916. № 5. С. 3]. В красноярской «Самодетельности» еще в 1915 г. было решено дивиденды на пай и забор на руки не выдавать, а причислять к паям. В тобольском «Самосознании» в июне 1916 г. общее собрание решило не разбирать по рукам причитающегося дивиденда, а оставлять его для увеличения оборотного капитала в качестве паевых взносов [17. Ф. 154. Оп. 18. Д. 204. Л. 8]. В Енисейске, Верхнеудинске, Минусинске в 1916 г. члены кооперативов полностью или частично причисляли дивиденды и премии на забор к своим паям, отказываясь разбирать прибыль по рукам. В читинском «Трудовом союзе» все средства из прибыли, за исключением ассигнований на культурно-просветительные цели и постройку Народного дома, были оставлены «в деле», по рукам не разбирались [18]. В новониколаевской «Экономии» распределению подлежала только половина прибыли от торговых операций, остальное перечислялось в запас-

ный капитал, так же как и доход от производственных предприятий [12. Д. 327. Л. 70–75 об., 95–95 об.].

Одним из сложных в практике потребительных обществ был вопрос о выдаче премии на забор посторонним покупателям, на долю которых приходилось от 20 до 80% всех продаж. Первый Всероссийский кооперативный съезд в 1908 г., признав, что порядок, при котором прибыль от посторонних усиливает дивиденд пайщиков, противоречит принципам кооперации, отменил его и установил, что прибыль от посторонних должна отчисляться на пополнение оборотных средств общества. В Сибири традиции были заложены ещё в 1912 г. барнаульским кооперативом «Труженики», в котором прибыль от посторонних зачислялась в капитал общества и благодаря этому члены вместо 3% получали 1% на заборный рубль, что позволило усилить фонд отчислений на культурно-просветительные мероприятия [19]. Однако многие потребительные общества продолжали поступать по-старому. Важно, что в 1915–1916 гг. кооперативы Томска, Новониколаевска, Барнаула и других городов ввели особые талоны с отметкой «право дивиденда» для точного определения суммы годовых закупок пайщиков и посторонних [9. 1916. 8 авг.; 20. 1915. 30 апр.; 21. 1916. 26 окт.]. Прибыль с посторонних не выдавалась на руки, а направлялась на культурно-просветительные и благотворительные цели. Например, тайгинский «Труд» из прибыли 1916 г. отчислил 3 000 руб. в фонд Народного дома, 300 руб. на кооперативную школу в Мариинске, 200 руб. на издание кооперативных газет и журналов, 1 500 руб. на культурно-просветительную работу, 100 руб. на кооперативный праздник по случаю годовщины общества, 25 руб. на ремонт училища, 25 руб. детям раненых воинов, 500 руб. на помощь семьям погибших на войне, 280 руб. на питательный пункт больных солдат на станции Тайга [15. Д. 86. Л. 4–23].

Рост паевого и снижение дивидендного номиналов не убавляли привлекательности потребительской кооперации в глазах населения. В условиях бестоварья сам факт приобретения товаров через кооператив являлся главным экономическим стимулом и преимуществом. Группа продуктов первой необходимости стоила в 1919 г. в иркутском «Труженике-Кооператоре» 296 руб., у частного – 484 руб., что давало потребителю экономию 188 руб. Мясом и мануфактурными товарами кооператив также торговал дешевле. Экономия получалась даже на тех товарах, что приобретались у частного, так как наличие кооператива сдерживало цены в частной торговле [13. № 11. С. 2]. Подчеркивая роль кооперации в повседневной жизни конкретных людей, потребители Читы в 1916 г. писали: «Фактически борьбу с голодом ведут только кооперативы. Если в городе в наиболее критические моменты можно было найти муку, сахар, масло, хотя бы в ограниченных количествах, так это только в кооперативах. Растёт и число кооперативов. В Чите с 60-тысячным населением уже пять кооперативов с числом членов 4000 человек. Если учесть семейства, то одна треть населения ест из кооперативов» [7. 1916. № 39. С. 1478].

Изучение принципов и порядка накопления и распределения доходов в сибирских городских и рабочих потребительных обществах позволяет констатировать,

что кооператоры постоянно искали и апробировали оптимальные формы системы материальных стимулов хозяйственной деятельности, которые обеспечивали бы ей гибкость, маневренность, открытость. В короткий срок кооперативы проявили гибкость, оперативность и завидную приспособляемость к недостаточно развитой экономической инфраструктуре и админи-

стративно-бюрократическому воздействию властей. Созданный ими механизм функционирования кооперации способствовал выживаемости относительно малообеспеченной, но достаточно многочисленной части населения в условиях рыночной экономики, осложненной тяготами социально-политических кризисов начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Запорожченко Г.М.* Реформы П.А. Столыпина и становление организационных основ кооперативных форм хозяйствования в дореволюционной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 19–23.
2. *Емельянов И.В.* Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций. Тюмень, 2005.
3. *Объединение.*
4. *Отчёт* Тобольского потребительного общества «Труженик» за 1911 г. 3-ий год. Тобольск, 1912 г. С. 32–34.
5. *Известия* Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги. 1917. № 2. С. 14.
6. *Обская жизнь.* 1912. 14 июня.
7. *Союз потребителей.*
8. *Потребительное общество* «Самодетельность», г. Красноярск. Бухгалтерский отчет и объяснительная записка за 1917 г. Красноярск, 1917. С. 7.
9. *Голос Сибири.*
10. *Томское общество* потребителей «Деятель». Отчёт за 1915 г. Операционный год 3-ий. Томск, 1916. С. 1–3.
11. *Красноярское общество* потребителей «Самодетельность». Годовой отчет за 1918 год. Б.м., б.г. С. 23–25.
12. *Государственный архив* Новосибирской области. Ф. Д-51. Оп. 1.
13. *Труженик.* 1919.
14. *Годовой отчет* Общества потребителей служащих и рабочих на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона за 1911 г. Томск, 1912. С. 34.
15. *Государственный архив* Томской области. Ф. 196. Оп. 7.
16. *Кооперативное слово.*
17. *Тобольский филиал* Государственного архива Томской области.
18. *Рожков Н.А.* Положение потребительской кооперации по различным губерниям и областям. Забайкальская область // Ежегодник МСПО. Вып. 4: 1914 г. М., 1916. С. 35–36.
19. *Ежегодник* МСПО. М., 1912. Вып. 2. С. 84.
20. *Сибирская жизнь.*
21. *Жизнь* Алтая.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 октября 2012 г.